ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

РУССКОЕ РОССИЙСКОЕ СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ.
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ
(Метафизическое переосмысление идентичности современного российского общества)

Лоскутов В.А.

доктор философских наук, профессор, директор Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, rector@uapa.ru

УДК 35
ББК 66.033.141

Власть теряется, власть исчезает. Вокруг нас лишь манекены власти, однако механическая иллюзия власти еще руководит социальным порядком, иллюзия, за которой возрастает невидимый, неразборчивый террор контроля, террор окончательной кодификации, жалкими терминалами которого мы являемся.

Ж. Бодрийар

Цель. Реконструкция основных идеологических (русское российское государство-цивилизация) и практических (советское государство-цивилизация) форм исторической самоидентификации современного российского общества. Определение места и роли коррупции в процессе самоопределения постсоветского термидора. Объяснение логики и выделение различных форм суверенизации современной России, причин и источником антикоррупционной революции.

Методы. В качестве методологической основы исследования используется теория цивилизационного развития С. Хантингтона и методологические конструкты теории гиперреальности и симулякров Ж. Бодрийяра.

Научная новизна. Результаты и практическая значимость. Проанализированы теоретические и идеологические источники формирования идеи русского российского государства-цивилизации. Реконструированы основные законы («генетический код» и «порождающая модель») исторической самоидентификации советского государства-цивилизации. Исторические модификации советской коррупции определены в качестве механизмов проявления этих законов в условиях постсоветского термидора. Критически проанализированы различные модели суверенизации (самоидентификации) современного российского общества. Обоснована идея о переходе от исторической самоидентификации советского государства-цивилизации к исторической идентификации посредством антикоррупционной революции.

Ключевые слова: Свобода, государство-цивилизация, идентичность, идеология, коррупция, симулякр, гиперреальность, тоталитаризм, социализм, термидор, суверенитет, антикоррупционная революция.

© Лоскутов В.А., 2014

THE RUSSIAN SOVIET STATE-CIVILIZATION. ARTICLE ONE (METAPHYSICAL RETHINKING OF IDENTITY OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY)

Loskutov V.A.
Doctor of Science, Professor, director of the Urals Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990,
rector@uapa.ru

Purpose. Reconstruction of the main ideological (the Russian state-civilization) and practical (Soviet state-civilization) forms of historical self-identification of the modern Russian society. Determination of the place and role of corruption in the process of self-determination of the Post-Soviet Thermidor. Explanation of consistency and identification of various forms of modern Russia sovereignization, reasons and sources of anti-corruption revolution.

Methods. As a methodological basis of the research the author uses the theory of civiliazional development by S. Huntington and methodological constructs of the hyper reality and simulacra theory by J. Baudrillard.

Scientific novelty. Results and practical significance. The author analysed theoretical and ideological sources of forming an idea of the Russian Soviet State-Civilization, reconstructed the main laws ("genetic code" and "generative model") of historical self-identification of the Soviet State-Civilization. Historical modifications of the Soviet corruption

В настоящее время при теоретической и мировоззренческой реконструкции истории России в основном используются две по видимости противоположные методологические схемы, два как бы несхожих между собой методологических приема приведения русской, российской и советской истории к единому знаменателю: генетическое сведение и генетическое выведение. С помощью первой процедуры история как бы оборачивается в предельное основание самодостаточного бытия, возвращается к своим истокам – универсальной формуле, генетическому коду, матрице. На ее основе формируется некая система координат, в границах которой происходит идентификация всякого исторического события и истории в целом. Во втором случае, выделяется система базовых признаков исторической жизни России – из ее атрибутов создается своеобразная модель российской истории, которая в процессе своего самодвижения из себя самой порождает единство и беспрерывность собственного исторического пути. При этом, наличие универсальных признаков-идентификаторов свидетельствует о его целостности, непрерывности и, в то же время, о внутренней противоречивости и относительной незавершенности в каждый отдельный исторический момент. Противоположность двух вышеозначенных методологических парадигм реконструкции исторической жизни России не является абсолютной. Очень часто с помощью различного рода теоретических идей, философских размышлений, методологических конструктов границы между ними сглаживаются настолько, что предложенные идентификаторы становятся неразличимыми. В этих условиях особое внимание следует обращать на теоретико-методологические средства, с помощью которых те, или иные авторы пытаются воссоздать единую и целостную картину прошлого, настоящего и будущего российской истории. В большинстве случаев в качестве такого почти сакрального средства используют более, или менее концептуально освоенную идею о цивилизационной природе российского исторического мира. Она, по мнению многих, должна стать, если не единственной, то, во всяком случае, универсальной духовной скрепой, объединяющей в одно целое различные миры российской истории. Современные идеи о «евроазиатской цивилизации» (А. Г. Дугин), «русской цивилизации» (О. А. Платонов), «государстве-империи» (В. Э. Багдасарян), «русской матрице» (В. А. Никонов), «Острове Россия» (В. Цымбурский), «пространстве России» (С. Б. Лавров), «панслободе» (В. Глазычев), «всемирной корпорации Россия» (Г. Павловский, С. Чернышев), «мире миров» (М. Гефтер), «русском мире» (Е. Островский, П. Щедровицкий), «странствующей империи» (А. И. Неклесса), «русском российском государстве-цивилизации» (В. И. Якунин), также как и многие другие аналогичные теоретико-методологические конструкты с большей или меньшей степенью эффективности и продуктивности используются в качестве основного средства описания и объяснения целостности и особенности цивилизационного пути развития России – средства реконструкции ее исторической судьбы и миссии. Не всегда философские и теоретико-методологические основания их применения в достаточной степени осознанны и осмысленны. Нередко вокруг них формируются значительные зоны неопределенности, реконструировать которые с помощью «традиционных» средств и ресурсов концепции цивилизации зачастую бывает затруднительно. К ним, безусловно, относится достаточно объемное и рыхлое проблемное поле, в центре которого находится далеко не тривиальный вопрос о единстве русской, российской и советской истории. Подавляющее большинство авторов считают, что советскую историю необходимо

и возможно вписать в общий контекст развития современной истории России, если определить ее место и роль в русской и российской истории. Будет ли эта цель достигнута с помощью генетического выведения советской истории из прошлой истории, или путем генетического сведения современной истории в, хотя и прерывистый, но единый контекст исторической жизни России, не имеет принципиального значения. Главное, чтобы в результате такого рода генетической реконструкции советская история не разрушила очень тонкую материю связующую между собой прошлое, настоящее и будущее цивилизационного развития целостного исторического мира России. И не только не нарушила ее хрупкую вязь, но и максимально укрепила цивилизационную преемственность и цивилизационную идентичность его самодостаточного бытия.

В своем исследовании мы решили воспользоваться советом В. И. Ленина: «прежде, чем объединятся, и для того, чтобы объединится, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» [8, с.358]. Размежеваться с теми, кто с помощью различного рода теоретических и идеологических симуляций и спекуляций пытается вернуть нас в светлое прошлое. Наша цель в данной статье – доказать, что возвращение советской истории из зазеркалья социалистического строительства в исторический мир России возможно и даже необходимо, но только для того, чтобы душа ее – «смутное состояние безостановочного ума» (А. Платонов), наконец то, успокоилась и упокоилась с миром. И только таким образом – путем «оборачивания смерти» (Ж. Бодрийар) советской истории на саму себя можно будет реально вернуть русскую и российскую историю к жизни и сделать ее ключевым фактором развития современной истории России. Поэтому нам так важно размежеваться с теми, кто пытается реанимировать советскую историю, провести ее реинкарнацию – вернуть нас в павильоны ВДНХ и представить современный исторический мир России в виде русского российского советского государства-цивилизации.

В своей книге «Сильное государство» Френсис Фукуяма совершенно справедливо заметил, что уже «более тридцати лет ведущей тенденцией в мировой политике было ослабление государственности» [16, с.312]. Как нам представляется, этот тезис может быть существенно усилен, а его содержание детализировано. С одной стороны, с полным на то основанием можно утверждать, что мы живем в эпоху тотального кризиса власти вообще, когда практической ревизии подверглись предельные исторические основания осуществления власти в качестве одной из важнейших форм развития исторической самодеятельности человека. С другой стороны, фактически на наших глазах разворачивается глубочайший и системный кризис той модели государственности, которая долгое время была базовой не только для развития европейской цивилизации, но и многих иных общественных систем. Современное национальное, социальное, правовое, дисциплинарное государство оказалось у той красной черты, за которой для него, как это представляется нам сейчас, нет будущего. И все эти катаклизмы с властью и государством происходят в тех условиях, когда становится все более очевидным, что в ближайшем будущем «искусство построения государства будет ключевой составляющей национальной силы» [16, с.317] и что «для будущего мирового порядка самое важное — это обучиться построению государства» [16, с.315].

Современная Россия в очередной раз после известных событий девяностых годов, как это не раз бывало и ранее, оказалась в ситуации выбора новой стратегии своего развития. В условиях судьбоносного выбора, и так было в России всегда, особое значение приобретают различного рода духовные факторы. Особенно те, которые в практических формах идеологического строительства соединяют базовые ценности, системообразующие цели, основополагающие нормы исторической жизни российского общества. Нельзя не согласиться с тем, что «идеология, как, прежде всего, система взглядов, формирование их посредством сознания и психологического тонуса масс – это фактор, который мобилизует российский народ на исторические свершения, помогает выстоять в тяжелой ситуации, в которую он далеко не первый раз попадает». [20]. В своем выступлении на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент РФ В. В. Путин рассуждая о необходимости и путях формирования «новой национальной идеологии» отметил, что Россия всегда развивалась «как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России» [14, с.13]. На данном этапе исторического выбора идея о русском российском государстве-цивилизации, по мнению ее авторов, вполне могла бы исполнить роль если не национальной идеи, то хотя бы функцию системообразующего начала строительства «идеологии развития» России. Ее претензия на то, чтобы стать основополагающей идеологемой принципиально нового этапа идеологического строительства выглядит более чем обоснованно. В том числе и потому, что она дает однозначный, исторически и концептуально обоснованный ответ на вопрос о том, какое государство в России может и должно стать «ключевой составляющей национальной силы» (Ф. Фукуяма).

Пытаясь выяснить у докладчика (А. Г. Дугина), что является «основной суммой российских ценностей», «проектной основой» российского проекта, научный руководитель семинара «Цивилизационный контекст и ценностные основания российской поли-

тики» профессор А.И. Неклесса замечает: «В общем, для меня из собрания культурных кругов и духовных векторов веет эклектикой и синкретизмом, разнонаправленность которых раньше могла сковываться обручами имперской российской государственности; но в нынешнем трансграничном мире необходимо нечто иное» [9, с.77]. Для него указание А.Г. Дугина на то, что когда мы говорим об основаниях российского проекта «речь идет не о стране, но о цивилизационном единстве, о «государстве-мире» [7, с.53] по-видимому, не было в достаточной степени убедительным. И совсем неубедительным, но совершенно по другим основаниям, этот тезис показался другому участнику дискуссии В.И. Якунину, который считал, что, «когда мы говорим «Россия и цивилизация», я с этим согласиться не могу, потому что Россия – это государство … . Если мы понимаем под цивилизацией государство, это неправильно и противоречит, по крайней мере, нашим взглядам. Когда я говорю «нашим», то я адресуюсь к «диалогу цивилизаций»» [19, с.95-96]. Может быть, не стоило бы вспоминать эти стародавние истории (2008 год), если бы не одно обстоятельство. Буквально на следующем аналогичном семинаре профессор В.Э. Багдасарян в своем выступлении, как бы пытаясь развеять сомнения В.И. Якунина по поводу того, что Россия это не цивилизация, но государство, формулирует идею о России как особом государстве-цивилизации: «Россия может состояться исключительно как государство-цивилизация, как государство-империя. В противном случае, не будет России» [1, с.106]. Прошло всего три года и различие мнений соратников по «диалогу цивилизаций» в какой-то части оказалось уже не столь актуальным. Формулируя «проектную основу» российской истории, В.И. Якунин выдвигает и обосновывает идею о «русском российском государстве-цивилизации» [20]. Теперь уже, для него как истинного государственника «цивилизационная составляющая» российской государственности кажется принципиально важной, ибо позволяет влить в старые меха новое вино и на современном уровне если не доказать, то доказывать то, что российская история это история русской российской государственности. Выступая в Великом Новгороде на конференции «1150-летие российского государства: исторические традиции и вызовы XX1 века» (2012 г.) с докладом «Россия – это государство-цивилизация», он существенно дополнил, хотя в чем-то очень важном, просто повторил соответствующие мысли В.Е. Багдасаряна, в том числе и те, которые он высказал в своем докладе «Цивилизационная миссия России и перспективы постсоветской интеграции» сделанном на экспертом заседании Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: новые форматы» (15 октября 2009 года). Если для А.Г. Дугина государственность это принципиально важное историческое обрамление российской цивилизации – то, что делает ее миром и обеспечивает холизм его исторической самодостаточности, то для В.И. Якунина очень важным является тот факт, что обрамлением российского государства оказывается цивилизация. Она дополняет, восполняет некие его недостающие черты и особенности самообоснования. Какие же? Почему идея государства-цивилизации важна для В.Э. Багдасаряна понятно: «перспективы формирования государства-цивилизации на постсоветском пространстве могут быть связаны только с Россией. Все остальные субъекты СНГ – это цивилизационный буфер» [2]. А для чего она понадобилась В.И. Якунину? Складывается впечатление, что только для одного – для того, чтобы доказать, что «Русь, Россия, СССР, Российская федерация – это исторические воплощения цивилизационно эволюционировавшей русской российской государственности» [20]. Для того, чтобы воссоздать единую и неделимую историю русского российского советского государства-цивилизации. Удалось ли ему решить эту не простую задачу?

Припадая к истокам

Три обстоятельства в настоящее время определяют логику и характер цивилизационного развития всемирной истории: глобализация общественной жизни, переход к постиндустриальному обществу, кризис государства («мировой кризис власти» (Ф. Фукуяма)). Прямо или косвенно воздействуя на основные превращения целостного исторического мира, они качественно изменяют систему координат, основные траектории его самоопределения и самоидентификации. В результате возникает такая модель развития современной цивилизации, которая «не приносит реальность в жертву теоретизированию, как в случае с парадигмами одно – и двухполюсного мира; в то же время она не жертвует абстрагированием в пользу реальности, как статистическая и хаотическая парадигмы. Это обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира и определения того, что важно и что не важно среди многочисленных конфликтов, предсказания будущего развития, а также дает ориентиры политикам. Эта схема также включает в себя элементы других парадигм и частично построена на их основе и даже позволяет их согласовать». [17, с.39-40] Представление о современном мире как полицивилизационной исторической реальности дает серьезный шанс исследователям и политикам на качественное обновление тех теоретических конструктов и политических практик, которыми они руководствовались до сих пор. Именно в этом контексте мы и собираемся проанализировать и содержательно интерпретировать тот концептуальный

и мировоззренческий потенциал, который заключает в себе идея о существовании русского российского государства-цивилизации.

Всякая цивилизация, по мнению С. Хантингтона, представляет собой универсальный способ исторической идентификации. В этом, независимо от того является она идентификаций общественной, религиозной, государственной, этнической, гражданской и т.п., проявляется глубинная сущность цивилизационного способа самообоснования исторического мира. Цивилизация всегда существует как «культурная общность» [17, с.51]. Она является всеобъемлющей, «то есть ни одна из их составляющих не может быть понята без соотнесения с соответствующей цивилизацией» [17, с.50]. Все они, будучи так, или иначе смертными, живут очень долго – «они эволюционируют, адаптируются» [17, с.52]. Наконец, цивилизации являются не только культурными единствами, но и особыми политическим устройствами. Точнее будет сказать, что они заключают в себе такого рода политические образования, которые «занимаются поддержанием порядка, восстановлением справедливости, сбором налогов, введением войн, заключением союзов» [17, с.53].

С. Хантингтон считал, что основная идея его исследования мировых цивилизаций «заключается в том, что в мире после “холодной войны” культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [17, с.15]. Развивая эту мысль он пытался доказать, что современный мировой порядок основывается на полицивилизационной модели развития истории, которая, в том числе, предполагает различные способы взаимодействия между существующими цивилизациями. Предложенная им модель цивилизационного развития заключает в себе следующие теоретические и практические максимы: «в мире сложится порядок цивилизаций, либо вообще никакого» [17, с.239], «не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов» [17, с.17], «глобальная политика – это политика цивилизаций. Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций» [17, с.18], «в этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации» [17, с.24], «центральной осью политики мира после «холодной войны» является, таким образом, взаимоотношение западной мощи и политики с мощью и политикой незападных цивилизаций» [17, с.26], «общества, объединенные идеологией, но в силу исторических обстоятельств разделенные культурами, распадаются» [17, с.25]. С помощью этой модели он уточнил смысл и раскрыл основное содержание цивилизационного подхода к оценке и реконструкции современной многополюсной истории. Расставил своеобразные маячки, которые позволяют выбрать правильную траекторию развития той или иной цивилизации и зафиксировать систему теоретических координат осмысления исторического опыта ее изменения.

Обращаясь к истории России и пытаясь реконструировать ее место в современном полицивилизационном мире С. Хантингтон вновь и вновь обращался к вопросу о том «нужно ли России перенимать западные ценности, институты, практики и попытаться стать частью Запада? Или Россия воплощает отдельную православную и евразийскую цивилизацию, которая отличается от западной и имеет уникальную судьбу – стать связным звеном между Европой и Азией» [17, с.216-217]. В поисках ответа на него он активно и достаточно плодотворно использовал в качестве теоретико-методологического средства идею об особом характере взаимодействия в исторической жизни России государства и цивилизации. Он считал, что «после “Холодной войны” страны соотносятся с цивилизациями как страны-участницы, стержневые государства, страны-одиночки, расколотые страны и разорванные страны» [17, с.202]. Россия, по его мнению «была разорванной страной со времен Петра Великого» [17, с.209] , то есть она имела «у себя одну господствующую культуру, которая соотносит ее с одной цивилизацией, но ее лидеры стремятся к другой цивилизации» [17, с.209]. Одновременно с этим она была и стержневым государством «самобытной евразийской православной цивилизации» [17, с.209]. Кардинальные изменения в государственном и цивилизационном развитии России произошли в результате большевистской революции: она «стала воплощением не отсталого азиатского прошлого, а прогрессивного советского будущего» [17, с.215]. По мнению С. Хантингтона, тот уровень цивилизованности, который продемонстрировало всему миру советское общество, был значительно выше существующих на то время образцов западной цивилизации: «Россия отличалась от Запада и находилась в принципиальной оппозиции по отношении к нему, потому что она была более развитой, чем Запад» [17, с.214-215]. Одна из особенностей цивилизационного развития истории в современную эпоху проявляется в том, что под влиянием самых различных факторов возникают разные цивилизационные группы и внутри них формируется особая система отношений между их участниками. Россия активно участвует в формировании одной из таких групп, которая, по мнению С. Хантингтона будет иметь «православный центр» и возможно станет основой формирования обновленной евразийской цивилизации. Как нам представляется различные образы цивилизационного развития Рос-

сии («разорванная страна», «стрежневое государство», «прогрессивное советское будущее», «центр цивилизационной группы»), которые в настоящем времени в особенной форме отражают и выражают некие универсальные тенденции исторической самоидентификации большинства современных цивилизаций, и существующие способы их воспроизводства являются ярким свидетельством того, что полицивилизационный мир способен к исторической рефлексии и накоплению цивилизационных начал своего развития. Он оказывается в состоянии с их помощью существенно повысить уровень мировой цивилизованности и достаточно эффективно осуществить самоидентификацию. Из этого факта вполне возможно сделать вывод о том, что за счет накопления исторического потенциала разнообразных форм цивилизационного развития, нисколько не уничижая их различия, можно существенно увеличить потенциал и поднять уровень цивилизационного развития как отдельных государств, стран, крупных цивилизационных групп и самостоятельных цивилизаций. И если уж говорить о некой цивилизационной миссии России в истории, то, в первую очередь, надо иметь в виду тот исторический опыт взаимодействия различных форм цивилизационного развития, который она накопила и который при определенных условиях может быть в настоящее время использован в целях самоидентификации современного полицивилизационного мира.

По мнению С. Хантингтона богатая разнообразными событиями и свершениями история России свидетельствует о том, что она всегда была, или стремилась к тому, чтобы быть стержневым государством православной (евразийской) цивилизации. При этом он считал, что есть целый ряд стран, которые особым образом связывают между собой государство и цивилизацию. В частности «Китай – это “цивилизация, претендующая на то, чтобы быть государством”. Япония – это цивилизация, являющаяся государством» [17, с.53]. По мнению С. Хантингтона есть исторические примеры, когда в результате очень тесного и развернутого взаимодействия государства и цивилизации возникает особое состояние их исторического взаимопроникновения, достаточно высокий уровень их конкретно-исторического тождества, которое можно было бы обозначить как государство-цивилизация.

Большинство современных исследователей истории России, независимо от того являются ли они государственниками, или принадлежат к другому идеологическому лагерю, так или иначе, но признают значительную роль государства в российской истории, соглашаясь с тем, что существуют некие объективные основания, которые превращают централизацию государственной власти в важнейший фактор и источник развития исторической, в том числе и цивилизационной жизни страны. С ними солидарен и С. Хантингтон: «Урок истории России состоит в том, что предпосылкой к социальным и экономическим реформам была централизация власти» [17, с.213].

Если мы к тем пяти системообразующим качествам всякого цивилизационного развития (историческая идентификация, эволюционный и адаптивный характер, «культурная целостность», «всеобъемлющий характер», «политическое устройство») которые выделил и проанализировал С. Хантингтон, добавим еще два – о единстве материальных и духовных факторов и о «цивилизационном ядре», то получим такое представление о цивилизации, которое легло в основании «нового-старого» прочтения истории России с помощью соответствующего теоретического конструкта «государство-цивилизация». Дополнительные системообразующие качества цивилизационного развития появились в этой универсальной системе координат не случайно. С их помощью, как нам это представляется, оказалось возможным решить две ключевые проблемы исторического изменения России, которые не удавалось никак объяснить ранее, что само по себе уже является достаточным основанием, чтобы подвергнуть их универсализм сомнению. Речь идет о проблеме доказательства приоритета в исторической жизни России духовного над материальным и о проблеме оборачивания «русскости» из этнического в цивилизационный признак российской истории.

Таким образом, для того, чтобы теоретически грамотно и последовательно представить историю России в виде процесса развития особого государства-цивилизации следует описать и объяснить специфические формы проявления, как минимум, семи системообразующих признаков (качеств) всякой целостной и исторически самодостаточной цивилизации. Следует признать, что в настоящее время эта работа в полном объеме еще не сделана. Теоретический, идеологический, мировоззренческий смысл идеологемы «государство-цивилизация» пока в достаточной степени не прояснен. Сделаны лишь самые необходимые, первые шаги в нужном направлении.

К определению основных закономерностей взаимодействия государства и цивилизации можно двигаться двумя равноценными путями: от цивилизации к государству и от государства к цивилизации. Если мы пойдем первым путем, то абсолютно логичным и естественным будет выглядеть вывод о том, что цивилизация «может содержать одно или более политических образований. Эти образования могут быть городами-государствами, империями, федерациями, конфедерациями, национальными государствами, и у всех них могут быть различные формы правления» [17, с.94]. В отдельных случаях «цивилизация и политическая целостность могут совпадать. Как отметил Люциан Пай,

Китай – это «цивилизация претендующая на то, чтобы быть государством» [17, с.95]. История российского государства подсказывает нам иной путь концептуального определения его цивилизационной природы. По нему и идет большинство современных исследователей и сторонников русского российского государства-цивилизации.

Как и всякая иная цивилизация, русское российское государство-цивилизация представляет собой «наивысший уровень идентификации» [20]. Ей присущи свои особенности, которые отличают ее от всякой иной цивилизации. Выделим лишь некоторые из них. Во-первых, российская идентификация всегда осуществлялась путем реконструкции и присвоения исторического опыта прошлого – с ее помощью преодолевался разрыв времен, и восстанавливалась непрерывность исторического бытия. Во-вторых, в большинстве случаев проблема идентификации выходила на первый план исторического самоопределения нашей цивилизации в эпоху кризисов и разрешалась она под угрозой существенной деформации исторического пути. В-третьих, в процессе разрешения данной проблемы Россия всегда выходила на такой уровень своего развития, который собирал в единое целое стратегические инварианты ее цивилизационного самодвижения. В-четвертых, цивилизационная идентификация была средством мобилизации внутренних сил и мощным стимулом модернизации страны. В-пятых, практически всегда она достигалась за счет воспроизводства и обновления «групповых идентичностей» и посредством формирования особой ценностной системы (идеологии) и психологического тонуса нации: «действенность единого централизованного государственного управления, осуществляемого не только через материальные факторы, но и через формирование идейно-духовных потенциалов, психологический тонус народа имеет для российского государства и цивилизации особое значение» [20]. В-шестых, с помощью цивилизационной идентификации происходил отбор и накопление оптимальных практик развития. И, наконец, в-седьмых, этническая и гражданская идентификация шла параллельно государственной идентификации: «история формирования и взаимодействия русского этноса и русской гражданственности, шедшая параллельно с формированием российской государственности, имеет большую продолжительность» [20].

Для того, чтобы сущностно и логически непротиворечиво перейти от определения субстанциональных качеств проявления русской российской цивилизационной идентичности к идее русского российского государства-цивилизации необходимо объяснить каким образом, в каких формах государство участвует в реальном историческом процессе осуществления сущности нашей цивилизации. Логично предположить, что в результате такого анализа, мы найдем, выделим те качества исторического бытия, которые отличают государство-цивилизацию от государства и цивилизации, с помощью которых мы сумеем объяснить своеобразие ее воспроизводства и обновления в современном полицивилизационном мире.

Российские «государственники» («державники») всегда испытывали значительные трудности при исторической реконструкции роли и места российского государства в общественной жизни страны. Тем не менее, за долгие годы (века) исследований были сформулированы очень важные идеи и определены концептуальные основания объяснения тому, почему именно «государствообразующий вклад в формирование исторической России» оказался решающим для ее успешного развития [20]. Было неоднократно и достаточно убедительно доказано, что «для России, в силу ее специфики, качество государственного управления более значимо, чем где бы то ни было» [20]. К пониманию своеобразия российского государственного строительства они всегда шли, опираясь на четкое и недвусмысленное определение специфики истории России. И этот путь был и остается сегодня достаточно эффективным и продуктивным. При этом целый ряд вопросов оставался и по сей день остается как бы за кадром. Ответы на них не получены. В результате возникло достаточно объемное и не проясненное проблемное поле. Для того чтобы получить недостающие ответы и прояснить ситуацию следовало изменить направленность и логику поиска. Помочь это сделать вполне в состоянии такой теоретический конструкт как «государство-цивилизация».

Русское российское государство-цивилизация (часть первая)

Историческая жизнь России развивается согласно двум основополагающим формулам: «особой исторической формуле выживания России» и «собственной формуле успешности» [20]. По содержанию и месту, которое они занимают в системе самообоснования российской истории, а также по степени воздействия на исторический процесс формула выживания несколько отличается от формулы успешности и, наоборот. Так, например, и это, безусловно, частное замечание, но формула успешности предполагает наличие у народа не просто определенной духовно-нравственной и ценностной системы (идеологии) жизнедеятельности, но и развитого чувства патриотизма. По сути же, если отвлечься от многих частностей и конкретных исторических условий, при которых эти две формулы со всей очевидностью отличаются друг от друга, то мы обнаружим, что они представляют собой всего лишь разные формы осуществления одного и того же исторического уравнения. И может быть не имело бы

смысла их выделять и как-то специально различать, тем более, что реальная история России с завидным постоянством демонстрировала нам то странное обстоятельство, что выживание это и есть наша успешность, если бы между ними не было своеобразного исторического и смыслового зазора. Помещая, вслед за автором идеи русского российского государства-цивилизации это, в каком-то смысле незаконченное уравнение в систему координат цивилизационного развития России, мы начинаем понимать, каким образом, за счет какого исторического потенциала формула выживания становится формулой успешности и как в конечном итоге, оказывается возможным достичь полноценного разрешения данного уравнения истории. Несколько слов об упомянутой выше системе координат развития цивилизации. В. И. Якунин определяет ее оси следующим образом: во-первых, как «цивилизационные основания», во-вторых, в виде процесса «цивилизационного преемства», наконец, в-третьих, как «цивилизационную идентичность». Мы, безусловно, согласны с автором в том, что рассмотрение законов выживания и способов достижения успешности России в контексте ее цивилизационного развития и есть тот шанс, а также путь, который позволяет «достроить» соответствующее уравнение и дает возможность объяснения не только исторического тождества, но и смыслового различия двух формул его развития.

Формула выживания включает в себя несколько постоянных величин – своеобразных «цивилизационных оснований» истории России. К ним относятся лишь те, которые устанавливают преемство, идентичность цивилизационного развития и «мобилизует российский народ на исторические свершения, помогают выстоять в тяжелой ситуации» [20]. Традиционно к ним относят следующие исторические константы: «фактор идейно-психологического состояния народа, главный для российской цивилизации»[20]; «русскость» не столько в этническом, сколько в цивилизационном смысле для России является жизненно важным фактором» [20]; «специфическая модель общежития — полиэтническая и поликонфессиональная симфония» [20]; «единое централизованное государственное управление» [20]; «государствообразующий вклад» религии в формирование исторической России [20]; «единая воля государства, концентрация ресурсов и сил» [20].

Среди постоянных величин формулы выживания особую роль играет государство. И это не случайно. В истории России государство всегда исполняло «специфическую роль» [20], что объяснялось тем, что в стране была «высокая степень распыленности населения» [20], специфические «климатические и ландшафтные условия» [20], «этническая и конфессиональная гетерогенность» [20], постоянно возникали внешние угрозы, которые инициировали «этатистскую мобилизацию сил» [20] и «догоняющий тип российской модернизации» [20]. Под влиянием этих факторов рождалась «отличная от западной модели государственности» [20] система государственного «жизнеустройства», которая и обеспечивала превращение формулы выживания в формулу успешности. Ее отличали как минимум следующие основные признаки: «российская государственность принципиально построена на приоритете духовного начала над материальным» [20]; она представляет собой «особый тип интегрирующего государства» основанный на некоторых «доминирующих характеристиках государства» [20] («русскость», православие); это государство не было государством-нацией и для него была характерна высокая степень этатизма, патернализма, автаркии; у него есть особая миссия - «российское государство исторически несет миссию удерживающей от зла и стяжания державы» [20]; у российского государства особая роль «как силы мобилизующей народ на свершения» [20].

Для автора идеи о русском российском государстве-цивилизации и многих других государственников и державников существует только один способ цивилизационного движения и превращения формулы выживания в формулу успешности: «цивилизационно эволюционизирующее русское российское государство» [20]. По их мнению, именно оно и только оно определяет ««цивилизациюнную «евгенику»» нашей истории. Превращает идеологию («государственную аксиологическую систему») в предельное основание развития русской российской цивилизации. Делает «опору на собственный опыт» «единого централизованного государственного управления» (цивилизационную идентичность) ключевым фактором ее успешности. Наконец, с помощью «единой воли государства» обеспечивает цивилизационную преемственность российской истории. В результате, таким образом исполненного огосударствления истории, заполнения странного смыслового и практического зазора между процедурами ее выживания и способами достижения успешности различного рода государственными формами развития власти на свет появляется идея о том, что история России это ничто иное, как История государства российского (Н. М. Карамзин). А уже на этой основе теоретически и идеологически формулируется и обосновывается более тонкая и осовремененная идея о том, что «Россия – это, конечно, государство-цивилизация» [20]. Для ее авторов тот факт, что государство активно и на некоторых исторических этапах достаточно эффективно участвует в разрешении основных цивилизационных проблем исторического развития страны (обоснования, преемственности, идентичности) и тем самым обеспечивает не только ее выжива-

ние, но и успешность развития является достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что существует особая, другая, отличная от иных цивилизаций «цивилизационная конструкция» - русское российское государство-цивилизация.

Формула выживания России становится формулой ее успешности в определенной системе исторических координат. Осями координат этой трехмерной исторической системы являются, как уже отмечалось, по мнению авторов идеи русского российского государства-цивилизации, цивилизационные основания, цивилизационная преемственность и цивилизационная идентичность. Попадая в эту систему координат российское государство, сначала обеспечивает «выживание» русской российской цивилизации. Затем, превращаясь в определяющий фактор ее развития – способ обеспечения обоснованности, преемственности и идентичности, оно становится важнейшим качеством ее бытия. Определяющим не просто саму возможность цивилизационного развития России, но успешность этого процесса. В этой точке исторического процесса государство и цивилизация становятся неотъемлемыми атрибутами новой исторической субстанции – государства-цивилизации. Получается так, что Россия была успешна лишь тогда, когда она развивалась по законам государства-цивилизации, которая была для ее истории не просто формулой успешности, но способом превращения формулы выживания в формулу успешности.

Можно, в принципе согласиться с тем, что у российского государства в историческом процессе роль особая и исполняется она в специфических условиях, что определяет его отличия, как минимум от западной модели государственности. Более того, достаточно убедительно выглядит тезис о том, что российское государство функционирует и развивается так не только потому, что таковы условия его исторической жизни, но и потому, что его деятельность тысячью нитями вплетена в процесс «цивилизационного преемствования» российской истории, оно активно участвует в установлении ее «цивилизационной идентичности», обеспечивает эффективное и продуктивное функционирование ее «цивилизационных оснований». Вместе с тем, при таком подходе к определению сущности русского российского государства-цивилизации, остаются не проясненными целый ряд принципиальных вопросов. В чем заключается историческая необходимость такого тесного сближения, вплоть до конкретного тождества, государства и цивилизации? Является ли государство-цивилизация специфической формой развития государства и в чем она отличается от всякого иного, а не только от западного устройства государственной жизни? Существует ли русское российское государство-цивилизация самостоятельно, наряду с «православной», «евразийской» цивилизацией и в чем ее особенные черты, которые отличают ее не от западной цивилизации, но от цивилизации вообще? Существует ли в истории России в качестве самостоятельных исторических сил русское российское государство и в качестве самостоятельной исторической формы организации ее общественной жизни русская российская цивилизация? Те исторические и теоретические аргументы, которые авторы идеи о русском российском государстве-цивилизации по мере определения его сущности высказывают и с помощью которых они пытаются реконструировать особую логику цивилизационного развития России, к сожалению, не заключают в себе содержательно развернутых и практически обоснованных ответов на поставленные выше вопросы. Отсюда, складывается впечатление, что представленный образ исторического единения (тождества) государства и цивилизации не является органичным и естественным, как это им представляется.

Как нам кажется, на абсолютное большинство сформулированных выше вопросов мы можем более, или менее внятно ответить, при условии, если будем рассматривать в качестве государства-цивилизации не всю историю государственного строительства и цивилизационного развития России, но исключительно советскую форму их исторического тождества. Естественно, что эта форма появилась в истории не случайно. Она возникла как закономерный итог многовекового развития русского российского государства и русской российской цивилизации. Во всяком случае, история их взаимодействия послужила надежной основой для становления советского государства-цивилизации. И мы, разумеется, согласны с выводом авторов идеи о государстве-цивилизации в том, что «СССР – безусловно один из этапов развития государственности России» [20]. Более того, как нам это представляется и об этом мы будем далее говорить более подробно, советская история в каком-то смысле является высшим этапом развития противоречивого единства русского российского государства и соответствующей цивилизации. В настоящее время советское государство-цивилизация в лице его идеологов вновь, как оно пыталось это сделать уже не раз, стремится вернуться в реальную историю, восстановить разорванную связь времен и присоединить к себе действительный исторический потенциал русского российского государства и русской российской цивилизации, но теперь уже с помощью обновленного теоретического и идеологического конструкта каковым и является идея о русском российское государство-цивилизация.

Сегодня эта идея многими современными российскими политиками и идеологами рассматривается как одна из ключевых, системообразующих идеологем возрождающейся в стране идеологии. На наших глазах

и с нашим участием она из теоретического концепта превращается в важнейший системообразующий элемент идеологического механизма исторической самоидентификации российского общества. В этих условиях особую остроту приобретает вопрос о теоретической обоснованности и исторической достоверности выдвинутой гипотезы о существовании русского российского государства-цивилизации. На протяжении всей российской истории взаимодействие государства и цивилизации было настолько тесным и глубоким, что представить их отдельно друг от друга практически невозможно. Но, значит ли это, что существует нечто третье, обладающее самостоятельным историческим статусом, которое не является государством и цивилизацией, но развивается по каким-то иным характерным только для него историческим и общественным законам? В анализируемом материале мы не нашли описания и тем более объяснения ни одного существенного признака государства-цивилизации, ни одного упоминания о каких-либо специфических законах его функционирования и развития. Вместе с тем, подчеркнем еще раз, у этой идеи есть достаточно серьезные исторические и теоретические основания, который необходимо выделить, проанализировать и обсудить в научном сообществе для того, чтобы актуализировать ее объективный исторический смысл и содержание. Предложим для обсуждения свою гипотезу по данной теме. Если сформулировать ее в предельно обобщенной, краткой и одновременно сущностной форме, то выглядеть она будет следующим образом: во-первых, русское российское государство-цивилизация никогда не существовало, во-вторых, в процессе и результате социалистического строительства было создано советское государство-цивилизация, в-третьих, в настоящее время на практике и в процессе идеологического строительства предпринимаются достаточно серьезные попытки воссоединения исторического потенциала развития русского российского государства, русской российской цивилизации и советского государства-цивилизации. Забегая несколько вперед, можно заметить, что в данном случае мы имеем дело с определенной попыткой практического и идеологического строительства русского российского советского государства-цивилизации. Почему сделать это невозможно мы попытаемся объяснить далее. Используем для этого, насколько это возможно, теоретический и методологический потенциал теории гиперреальности и симулякров Ж. Бодрийара.

Русское российское государство-цивилизация (часть вторая)

Всякий симулякр есть «не что иное, как особый эффект времени, когда оно утрачивает свой линейный характер, начинает сворачиваться в петли и предъявлять нам вместо реальностей их призрачные, уже отработанные копии» [5, с.17-20]. Ж. Бодрийар выделил и достаточно тщательно на разнообразном историческом материале проанализировал три такие петли, три «последовательные фазы развития образа: он является отображением некой фундаментальной реальности; он маскирует и искажает фундаментальную реальность; он маскирует отсутствие фундаментальной реальности» [6, с.17].

«Симулировать – это значит делать вид, что у тебя есть то, чего ты не имеешь» [6, с.9]. Для людей до сих пор мысленно, или практически проживающих на бескрайних просторах советской истории российская история является тем, чего мы лишены. Есть люди, которые так, или иначе, в силу своего разумения и исторического опыта восполняют для нас очень чувствительную и трагическую потерю истории различного рода смысловыми фикциями, которые превращают с таким трудом и громадными идеологическими усилиями достигнутую пустоту в мир гиперреальных фантазий и грез – симулируют то, чего нет. Конечно же, несмотря на все их потуги, реальная история России никуда не девается. Она существует, развивается, в том числе, и с помощью различного рода симулякров. Симулированная история исчезает и отсутствует только для тех, кто практически, как, впрочем, и теоретически погружен в иллюзорный мир советской истории. Точнее будет сказать, что она все-таки для них существует, но исключительно в виде набора некоторых «синтетических» симулякров, которые масштабно и с каким-то особым идеологическим остервенением симулируют ее отсутствие. И речь, в данном случае «идет уже ни об имитации, ни о дублировании, ни даже о пародии. Речь идет о субституции, замене реального знаками реального» [6, с.7]. Особо следует подчеркнуть тот факт, что симулякр российской истории ни при каких условиях «никогда не обменивается на реальное, а обменивается на самое себя, в непрерывном круговороте без референции и предела» [6, с.16] и происходит это коловращение фикции исключительно в рамках определенной гиперреальности. Всякая попытка выстроить отношения репрезентации между симулякром российской истории и реальностью советской истории обречена на провал, ибо та гиперреальность, в которой он живет и действует – советская история, никогда не позволит восстановить связь исторических времен. Для нее это будет мгновенная смерть.

Тоска по реальности, которая движет и направляет многих по пути ее симуляции, хаотичные попытки связать между собой российскую и советскую историю практически всегда ведут к тому, что «ностальгия присваивает себе все его (реального – В.Л.) значения. Непомерное раздувание мифов об истоках и знаках реальности. Непомерное раздувание вторичной истины,

объективности и аутентичности. Эскалация истинного, пережитого, воскрешение образного там, где исчезли объект и субстанция» [6, с.19]. В тоске и переборе «ретроспективных галлюцинаций» симулирующие симулякры находят для себя отдохновение и смысл своего «чистого взгляда» на нашу историю. И все-таки, эти симулятивные исторические реминисценции в какой-то степени оправданы, хотя исключительно потому, что «нам нужно зримое прошлое, зримый континуум, зримый миф о происхождении, который бы утешил нас относительно нашего конца» [6,с.28] – конца под гнетом «ужасно токсичных испражнений гиперреальной цивилизации» [6, с.37] советской истории.

Если вслед за Ж. Бодрийаром представить процесс возвращения советской истории к своим истокам и присвоения ей русской российской истории в виде совокупности некоторых видов симулятивной деятельности, то среди них можно выделить следующие: «сплющивание», «сворачивание», «соположение», «самопреломление» и «самоотражение». В единстве, будучи достаточно сложными деятельными образованиями, включающими в себя множество конкретных действий и операций, они из реальности творят гиперреальность – уничтожают референции и целевые установки, исключают подобия и десигнации, подменяют трансцендентность имманентностью. В результате «головокружения реалистической симуляции» происходит социально-историческая мутация и открывается путь к небывалым сочетаниям несочитаемого. В том числе появляется возможность виртуального тождества двух разнокачественных симулякров: теоретического симулякра «русское российское государство-цивилизация» и его практического аналога «советское государство-цивилизация».

Симулякры первого порядка:
«сплющивание»и «сворачивание» истории

Сплющивание истории России как своеобразной цивилизации происходит путем выделения в ней некоторой фиксированной, необходимой и достаточной совокупности объективных условий ее цивилизационной идентичности. В результате данной операции каждое из этих условий становится как бы относительно самостоятельным «частичным объектом», который в действительности существует, лишь встраиваясь в некоторую серию, линейную последовательность процедур по деконструкции реальной истории [5, с.333]. Все они осуществляются не сами по себе, но, так или иначе, определены «по падежам» в соответствии с той парадигмой, которая задает достаточно жесткие параметры установления цивилизационной идентичности исторической реальности России. В результате такого рода деконструкции история разделяется на ограниченное множество «частичных объектов», которые, встраиваясь в определенную серию (повторяемость) и выстраиваясь в линию (последовательность) превращаются в своеобразные идентификаторы особой цивилизационности российской истории. Традиционно в качестве такого рода идентификаторов, которые, по своей сути, являются симулякрами, рассматривают, как мы уже отмечали, «распыленность населения», «суровый климат и специфический ландшафт», «этническую и конфессиональную гетерогенность», «этатистский способ мобилизации сил», «догоняющий тип развития и модернизации» [20] России. В ее сплющенной истории «живут» исключительно «частичные объекты» - идентификаторы. Они выстраиваются в линию, серию и склоняются по падежам исключительно в процессе идентификации (деконструкции) исторической реальности. Их функциональная и реляционная зависимость от соответствующих процедур цивилизационной идентификации России является глубоко сущностной и всеобъемлющей, что позволяет им по определенным, фиксированным параметрам замещать и представлять реальный исторический процесс. Если использовать терминологию Ж. Бодрийара, то эти идентификаторы можно определить как симулякры первого порядка. Сплющивание реальности – это одна из ключевых форм ее деконструкции с помощью симулякров. В результате данной, по своей сути симулятивной процедуры на месте реальных объектов появляются различного рода частичные объекты, факт существования которых всецело зависит от их места и роли в процессе деконструкции реальности.

Существует еще один способ деконструкции истории России, который активно используется многими учеными при решении проблемы установления ее цивилизационной идентичности. Ж. Бодрийар называл его «сворачивание» [5, с.334]. Сплющенная история тогда становится источником сворачивания и истощения реальности, когда она посредством определения «специфической роли государства» в развитии русской российской цивилизации самоотражается. Этот процесс осуществляется как бы в двух взаимосвязанных формах. Во-первых, путем «сплющивания» исторического развития русского российского государства и превращения его в ограниченное множество «частичных объектов». Во-вторых, после создания такого рода зеркала оборачивания на него «сплющенной истории» России, в результате чего она превращается в «свернутую историю»: ограниченное множество осколков того «государственного» зеркала, в котором отражалась и отражается в виде дурной бесконечности «сплющенная история» России. Кроме того, что мы имеем в данном случае дело с обратным отражением этой истории – ее самоотражением в тех исторических сферах, где бал правит «специфическая роль российского государства» (даже не само государство, а его «роль»!), мы еще сталкиваемся с принципиаль-

но иным типом серийности ее осуществления. Она задается не функцией и отношением, которые связывают каждый цивилизационный идентификатор («частичный объект») с основополагающей парадигмой и процедурой деконструкции реальности, а логикой рефлексии (отражения отражения в отражении) «свернутой истории» в свое иное – в «свернутое» государство, ограниченное множество осколков этого странного исторического зеркала. Если в основе серийного воспроизводства «сплющенной истории» лежит принцип «парадигмального склонения по падежам», в результате чего каждый «частичный объект» становится цивилизационным идентификатором, то серийность «свернутой истории» базируется на установлении цивилизационной преемственности их рефлексивного существования. Связующим звеном, которое, в конечном итоге, и обеспечивает их преемство, а также процессуальную целостность (серийность) российской истории, являются те процедуры ее симуляции (рефлексии в «свернутое государство»), с помощью которых в умелых руках государственника этот странный калейдоскоп поворачивается и из ограниченного количества осколков за счет игры света и тени возникают удивительные, очаровывающие картины «Истории государства российского». Элементы этой картины являются все теми же симулякрами первого порядка, но только теперь к их функциональным и реляционным свойствам, определяющим цивилизационную идентичность представленной реальности, добавились еще и некоторые рефлексивные свойства и качества, с помощью которых была установлена цивилизационная преемственность между ними.

В результате того, что государство как объект реальности разлагается на определенное множество деталей и, смотрясь в них, цивилизация умножается, возникает совершенно иной тип серийности ее реального существования. Умножение исторической реальности и установление цивилизационной преемственности между ее «умноженными» событиями само по себе иллюзорно, ибо оно является продуктом рефлексии «сплющенной истории» в такое же государство. Иллюзии рождаются в том самом калейдоскопе (“всевозможные эффекты раздвоения и удвоения объекта в одной из его деталей” [5, с.333], который создает иллюзию цивилизационной преемственности, который в процессе деконструкции мы вращаем с разной скоростью, в результате чего свет «сплющенной истории» попадает на отдельные фрагменты (осколки) «сплющенного государства» и отражаясь в нашем «глубинном взгляде» (Ж. Бодрийар) порождает серию прекрасных картинок цивилизационной преемственности русского российского государства. В «свернутой» истории этого государства, с точки зрения тех, кто его «сворачивает», самым важным, определяющим саму возможность самоотражения в нем «свернутой истории» является то, что «российская государственность принципиально построена на приоритете духовного начала над материальным» [20]; она представляет собой «особый тип интегрирующего государства» основанный на некоторых «доминирующих характеристиках государства» [20]; это государство не является государством-нацией и для него всегда была характерна высокая степень этатизма, патернализма, автаркии [20]; у него есть особая миссия - «российское государство исторически несет миссию удерживающей от зла и стяжания державы» [20]; у российского государства особая роль «как силы мобилизующей народ на свершения» [20]. Без всякого труда мы можем обнаружить большинство из этих признаков (тип, роль, миссия, степень) государства российского во многих иных социальных и государственных системах современной и прошлой истории. Но почему-то только мы сплющиваем и сворачиваем историческую реальность собственной страны, «истощая» и превращая ее в долгий и однообразный сериал под названием «История государства российского». Наверное, так происходит всегда, когда историю делает и пишет Власть. Она это делает и пишет, будет писать и делать всегда как историю самой себя. Для тех, кто в истории России видит только историю государства российского цивилизационная идентичность и цивилизационная преемственность всегда будут государственной идентичностью и государственной преемственностью. Сведение одного к другому с помощью «сплющивания» и «сворачивания» превращает историческую реальность России в особый мир функционально, реляционно, рефлексивно связанных и взаимодействующих между собой симулякров более, или менее удачно маскирующих эту реальность.

Симулякры второго порядка:
«соположение» и «самопреломление» истории

Симулякры второго порядка возникают в результате движения симулякров первого порядка в создаваемой ими гиперреальности. Фактически, они обеспечивают ее репродукцию. И не просто расширенное воспроизводство гиперреальности, но самоутверждение того «ядра-модели» (Ж. Бодрийар), которое будучи «порождающей моделью» превращает все, что происходит в гиперреальности в маскировку отсутствия какой бы, то, ни было реальности. Симулякры второго порядка не просто маскируют отсутствие реальности, что само по себе очень важно, но, они активно участвуют в моделировании гиперреальности. Моделировать отсутствие и присутствие – это две взаимосвязанные грани осуществления «имманентной логики операционального принципа» [5, с.263] самоопределения гиперреальности. «Ядро-модель» превращает имманентную логику гиперреальности в

операциональный принцип ее самодостаточного симулятивного бытия посредством «соположения» и «самопреломления». Каждая из этих процедур рождения маски для отсутствующей реальности включает в себя в качестве базовых следующие операции: модуляцию, различительную оппозицию, подстановку элементов. В результате происходит «дифракция порождающей модели», той «синтетической субстанции», которая, как и всякая иная «представительная субстанция» из самой себя продуцирует отсутствие реальности как присутствие гиперреальности.

Порождающей моделью для превращения истории России в гиперреальность, «утонченным способом убийства оригинала» [6, с.334] является История российского государства - «русская российская государственность». Мы, конечно же, имеем в виду не фундаментальный исторический труд выдающегося русского ученого Н.М. Карамзина, который, кстати, будет напомнить, ввел в оборот такие слова как «гармония» и «катастрофа», а некую, уже сложившуюся, очень живучую и продуктивную матрицу реконструкции исторического пути России так называемыми государственниками и державниками. Являясь «порождающей моделью», она превращает богатую событиями, именами, взлетами и падениями историческую реальность России в «простую соположенность одинакового» [5, с.334]. В результате, «взгляду остается только двигаться между ними, и всякое видение замыкается в этом движении туда-сюда» [5, с.334]. Пред «чистым взглядом» государственного человека мелькают одни и те же соположенные атрибуты неизменной и неизбывной «синтетической субстанции». И абсолютно никакого значения не имеет то, о какой государственности в данном случае идет речь – русской, российской, советской, «современной». Тип государственности все равно остается интегрирующим! Ее роль – мобилизующей! Историческая миссия – державная! А степень «государственности» (автаркии и этатизма) государственности является настолько государственной, что государство начинает покровительствовать исключительно себе и опекать лишь тех, кто ему верой и правдой служит!

Русская российская государственность маскирует не отсутствие реальности, но присутствие гиперреальности и делает это с помощью такой симулятивной процедуры как «самопреломление», которая представляет собой особый тип имитационной модуляции порождающей модели, при достаточной интенсивности действия которой в ней возникает дифракция. И все-таки не дифракция модели является главным результатом «модуляции-симуляции». Важнее другое – сотворение из порождающей модели с помощью различительной оппозиции и подстановки элементов новой гиперреальности, которая в силу того, что она возникает в результате самопреломления модели, является в чем-то очень важном и принципиальном ее зеркальным отражением, в котором она не просто превращается в ничто, но смыкается с отсутствующей реальностью: «нет больше ни сходства ни несходства, ни Бога ни человека – только имманентная логика операционального принципа» [5, с.263].

В результате действия этой логики русская российская государственность в панической ностальгии начинает с помощью гиперсимуляции стимулировать в самой себе энергетический потенциал тех сил, которые обеспечивают ее самопреломление и прометеевское стремление к тому, чтобы возобновить цикл через зеркало и за счет этого стать полноценной гиперреальностью. Нельзя не согласиться с тем, что «российская государственность в силу своей специфики породила вполне определенные требования к конструктам самого государства» [20]. Они то, как раз и делают русскую российскую государственность гиперреальностью.

Очень важно понять, как осуществляется самопреломление «неслучайных черт и особенностей русской российской государственности» и какие конструкты государства в результате ее модуляции оказываются доминирующими в новой гиперреальности - «знание истории и природы нашего государства дает верные ключи к преодолению трудностей современного переходного периода, угроз русской российской государственности, к нашему вкладу как современников в будущее великой России» [20]. Если русское российское государство является интегрирующим фактором исторического процесса, то оно может быть таким только став централизованным государством. Если в централизованном государстве определяющим является «психологический тонус народа и его идейно-духовный потенциал», то основная «задача, стоящая перед российским государством в каждую конкретную историческую эпоху, состоит в нахождении соответствующей духу и реалиям времени идеологии» [20]. И лучше, если это будет государственная, то есть централизованная идеология. Если у государства есть миссия, то оно не может ее осуществить без мессии. В русском российском государстве, и это является его важнейшим конструктом, им оказывается «лидер, руководитель и источник всех основных форм и институтов общественной жизни» [20]. Если это самообеспеченное, замкнутое государство-автракия, то его интересы не могут не превалировать над иными общественными и личными интересами. Если государство нужно только для того, чтобы «мобилизовать народ на свершения» [20], то оно может существовать исключительно в состоянии постоянной модернизации – «форсированных рывков» [20]. Всякий иной способ его существования ему вреден и противопоказан. Если борьба «со злом, и стяжательством» [20] является призванием, неотъем-

лемым качеством русской российской государственности, то стратегией развития русского российского государства может быть только альтерглобалистской и антизападной. Полноценно и эффективно реализовать ее в состоянии только «государство-цивилизация. Попытки заместить ее цивилизационные основания привнесенными из опыта других цивилизаций, с точки зрения успешности страны, контрпродуктивны, неэффективны и более того, опасны» [20].

Симулякры третьего порядка: «самоотражение» истории

Гиперреальность – это сложная и противоречивая система отношений между симулирующими симулякрами, разными процедурами и подсистемами симуляции. Она включает в себя отношения к реальности (1), произведенным и производящим симулякрам («порождающим моделям») (2), отношения между разнопорядковыми симулякрами (3), специфические отношения с самой собой как гиперреальностью (4) и универсальным симулякром, порождающим в себе новую гиперреальность (5). Их объединяет между собой то обстоятельство, что все они являются всего лишь относительно самостоятельными формами проявления единого самодостаточного для данной гиперреальности основания. Ж. Бодрийар считал, что таким основанием, ««настоящей генеративной формулой, вбирающей в себя все прочие и образующей, так сказать, стабилизированную форму кода, является формула бинарности, кибернетической двоичности – не чистое повторение, а мельчайшее отклонение, минимальный зазор между двумя элементами, то есть «мельчайшая общая парадигма», способная поддерживать фикцию смысла»» [5, с.335]. Эта формула становится кодом в предельной точке самоопределения гиперреальности, где она «сама становится своей моделью («чистым взглядом»)» [5, с.336]. Находясь в этой точке гиперреальность «пытается истончиться, пожертвовать собой, самоустраниться перед реальностью» [5, с.336], но в этом ничтожно малом различии гиперреальности с собой оживает «фикция смысла», которая воспроизводится в форме «навязчивого повторения кода». Процедуру, посредством которой производящая модель из генеративной формулы становится генетическим кодом, Ж. Бодрийар называл «самоотражением» [5, с.333]. В отличие от «самопреломления» модели, которая из себя самой продуцирует гиперреальность, самоотражение было своеобразным самопреломлением порождающей модели в самой себе, в результате чего она превратилась в формулу бинарности и кибернетической двоичности. У нее появилась достаточно устойчивая «стабилизированная форма», которая начала из самой себя модулировать, подставлять элементы, симулировать «мир без зеркал». В результате модуляций и подстановок симулятивной комбинаторики «реальность сделалась игрой в реальность» [5, с.339], произведенная гиперреальность наконец то стала самопорождающимся симулякром.

Идея о русском российском государстве-цивилизации в настоящее время является, как мы это уже пытались показать, «порождающей моделью», симулякром второго порядка. В условиях, когда на первый план выходит проблема самоидентификации созданной ей гиперреальности, этот симулякр с необходимостью превращается в формулу бинарности – становится ее генетическим кодом. Его переход в иное качество осуществляется путем теоретической и исторической реконструкции механизмов сочленения и отождествления государства и цивилизации, выделения специфических свойств и качеств государства-цивилизации вообще и русского российского государства-цивилизации, в частности. Посредством превращения данного симулякра в исходную, системообразующую идеологему идеологического и практического строительства нового исторического дома для России. В настоящее время мы находимся в самом начале этого пути. Продвижение в заданном направлении будет, по мнению создателей данного симулякра эффективным и успешным, если удастся превратить его из производящей модели в матрицу, генеративную формулу воспроизводства обновленной постсоветской гиперреальности. Для этого необходимо решить две взаимосвязанные задачи: «преодолеть кризисный этап, связанный с распадом СССР и неадекватностью радикального неолиберального реформирования» [20] и вернуть обществу государственную идеологию. Исходить при этом следует из того, что «Русь, Россия, СССР, Российская федерация – это исторические воплощения цивилизационно эволюционировавшей русской российской государственности» [20]. С Русью и Россией особых проблем нет, а вот, что касается СССР и Российской федерации, здесь возникают некие коллизии, которые как минимум нуждаются в объяснении.

Попытки ассимилировать советскую историю и включить ее в общий контекст развития русской российской государственности предпринимались не раз, в том числе и в последнее время. Достаточно вспомнить работы Никонова В.А. [11], Пивоварова Ю.С. [12, 13], Неклесса А.И. [10], Шевченко В. Н. [18], материалы организованного журналом «Власть» круглого стола [15]. О возможностях такого рода реконструкции мы поговорим далее более подробно. Сейчас же заметим, что характерные признаки русского российского государства-цивилизации в принципе обнаружить в советской истории можно. Из чего также можно заключить, и вероятно, этот вывод в ближайшее время будет сделан, что не только советская, но и современная история России является способом воспроизводства русского российского советского государства-циви-

лизации. Во всяком случае, настрой на то, чтобы его сформулировать есть: «если в современной Конституции фактически указывается, что в период СССР российской государственности не существовало, то это дело поправимое и, будем надеяться, в не слишком далеком будущем» [20]. Другое дело, что объединить три истории России – русскую российскую, советскую и современную задача далеко не простая. И, как нам это представляется, даже с помощью таких конструктов как русское российское советское государство-цивилизация сделать это будет архи сложно.

Поскольку «именно сейчас перед Россией, как уже было в ее истории, встает вопрос о путях развития, об угрозах народосбережению, передовому характеру экономики и социальному устройству, науке, культуре и образованности, вопрос об авторитетности и влиятельности в мире, вопрос о ее устойчивом развитии в будущем» [20], постольку четкое осознание цивилизационной преемственности российской истории становится особенно актуальным и приобретает стратегический характер. Русское российское советское государство-цивилизация в принципе должно вывести нас на столбовую дорогу исконно русской российской советской самоидентификации. Должно, но у него вряд ли это получится. Причина этого проста и прозаична: у советской истории свой генетический код развития и он вступает в непримиримое противоречие с матрицей русской российской истории. И случился этот исторический казус не сегодня и не в результате неолиберального эксперимента последних двадцати лет. Случился он в 1917 году.

Прежде чем мы реконструируем генетический код советского государства-цивилизации и объясним его связь с соответствующей матрицей развития русского российского государства-цивилизации рассмотрим, на примере советского кинематографа, ту симулятивную модель возвращения в русскую и российскую историю, которую пытались создать и использовать верные ленинцы-сталинцы для восстановления цивилизационного преемства русской российской советской истории и собственной самоидентификации.

«Разубеждение» русской российской истории с помощью советского кино.

Для того, чтобы получить хотя бы «скелет коммунизма» необходимо было «железный самотек истории» пропустить сквозь «рассол социализма» (А. Платонов). Что и было сделано с русской российской историей. В результате в ней остались только «костры классовой борьбы» и «дорогая генеральная линия» (А. Платонов). Одна из первых попыток большевиков развернуть эту линию в прошлую историю, вернуться из мира тоталитарной гиперреальности на «фронт социалистического строительства» (А. Платонов) была предпринята еще в сталинские времена. Она носила сугубо идеологический характер и была связана с особыми условиями того исторического периода классовой борьбы, требующими максимальной мобилизации не просто ресурсов всесильного государства, но потенциала самодеятельности и самосохранения глубинных народных сил. Конечно же, это была обычная большевистская имитация и симуляция реального исторического процесса в духе социалистического реализма и носила она характер локального возвращения в те переломные точки истории России, в которых наиболее ярко проявился истинный патриотизм русского народа. Героизация исторического прошлого, например, средствами кино, которое, как известно, было из всех искусств важнейшим (В. И. Ленин), происходила путем его подгонки («подстановки элементов» и их модуляции) под те идеологические клише, с помощью которых создавалась новая историческая гиперреальность – посредством которых происходило «короткое замыкание реального» (Ж. Бодрийяр). В этих, по-своему гениальных фильмах основные герои делали то, что им было предписано уже состоявшейся советской историей: целями, ценностями, нормами, смыслами социалистического строительства. Объединяя, воодушевляя, они самоотверженно вели за собой «бесклассовый» народ на борьбу с отжившим, окостенелым прошлым ((«Петр Первый» (1937-1938)), иноземными и внутренними врагами супостатами ((«Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Степан Разин» (1940), «Суворов» (1940), «Богдан Хмельницкий» (1941), «Адмирал Нахимов» (1946)), собственным Я, которое вступало в неразрешимое противоречие с естественной историей ((«Иван Грозный» (1944)). В этой же логике снимались и первые фильмы о советской истории: «Чапаев» (1934), «Щорс» (1939), «Александр Пархоменко» (1942). Все эти кинематографические симулякры вместо объекта репрезентации изображали не просто нечто воображаемое, но некую сверхреальность, в которой в соответствии с бинарным кодом «герой-народ» исполненные фантазмы, они же модели конкретных исторических героев и событий, особым кинематографическим языком писали новую идеологию истории России, мобилизуя ее советское население на многочисленные стройки социализма.

Частично, задачу, которую ставили перед этим массированным кинематографическим возвращением в русскую историю идеологи социализма, была, конечно же, выполнена. С помощью гениального кино мы как бы туда вернулись, хотя и не совсем туда, да и назвать это полноценным возвращением никак нельзя. Русскую российскую историю оно в историческую реальность не вернуло. Зато в рамках сверхреальности социализма создала очень эмоцио-

нальный, образный, мобилизующий симулякр созидающий позитивный психологический тонус новой социалистической нации.

Все эти «сновидения» были не более чем «зеркала реальности, они вселились в сердце реальности, трансформировав ее в гиперреальность, где от экрана к экрану у образа есть только одна судьба — быть образом. Образ не может более вообразить реальность, поскольку он сам становится реальностью, не может ее превзойти, трансфигурировать, увидеть в мечтах, так как сам образ есть виртуальная подкладка реальности» [4, с.296]. Руководствуясь идеологией социалистического реализма администраторы «человеческих душ» создали такую виртуальную подкладку гиперреальности, в частности, кинематографическую историю России, которая как черная дыра затянула в себя всю реальность, в том числе и те образы, которые первоначально были ее «зеркалами». Лишила их какой-либо возможности трансфигурировать и хотя бы в форме воображаемого, когда-нибудь вернуться в мир действительной реальности. В сущности, она лишила их шанса на то, что они вновь смогут стать мечтой – смогут вырваться из плена всецело поглотившей их темной материи и энергии гиперреальности. Она создала такой симулятивный мир, фиктивное существование и визуальную эфемерность, в котором «высшей задачей знака (кинематографического образа – В.Л.) является заставить реальность исчезнуть и замаскировать одновременно это исчезновение» [4, с.295]. А поглощенным гиперреальностью «зеркалам реальности» остается лишь одно – «заставлять верить, заставлять видеть, заставлять оценивать» [4, с.301].

А для чего советская государственно-партийная власть медитирует и общается с уничтоженной, растоптанной историей России? Какой смысл во всех этих патафизических оборачиваниях, подскоках и прыжках? Очевидно, что основной задачей «ретроспективного головокружения» не является лишение исторической реальности ее «секрета и способности производить иллюзии» [4, 301]. Важно ведь не только исключить реальность из реальности, но и тщательно замаскировать ее исчезновение. В этих целях социалистический реализм семимильными шагами виртуально перепрыгивает через виртуальную пропасть русской российской истории. И смысл этих патафизических прыжков не в том, чтобы каким-то образом изменить прошлую историю, или перечеркнуть память о ней. Важно совершенно другое - необходимо исключить из реального исторического процесса его действительного субъекта. Превратить субъекта из источника развития исторической реальности в «агента или оператора иронии мира» (Ж. Бодрийар), ибо в системе гиперреальности «не субъект представляет себе мир (I will be your mirror!), но сам объект проецирует субъекта, тонко через технологии вызывает его присутствие и его волновую форму» [4, 302]. Кудесники советского идеологического кинематографа с помощью фантомов прошлого создают особого «проецируемого субъекта». Они используют такие идеологические технологии ирреализации мира, с помощью которых ожившие на экране фантастические артефакты русской российской истории начинают сами двигаться по волнам тоталитарной гиперреальности и создавать из различных проекций социалистического строительства нового субъекта: симулякр социалистического реализма начинает симулировать не историческую реальность, но ее отсутствие в виде субъекта у которого вместо исторической памяти ее кинематографическая модель. Придуманный сталинскими идеологическими соколами миф о русской российской истории, «изгнанный из реального насилием истории, находит убежище на киноэкране» [6, с.112]. Таким странным, но закономерным образом, «история с триумфом входит в кинематограф после своей смерти». Как совершенно справедливо заметил в диалоге с Ж. Бодрийаром русский философ М. Рыклин: «все эти советские дела сталинских времен, это тоже был способ устранить принцип реальности, историю» [4, с.321].

Советское государство-цивилизация (часть первая)

Пройдет немного времени и на идеологической авансцене современной истории России появится русское российское советское государство-цивилизация, которое спросит само себя «Быть, или не быть?» и несколько задумавшись, глядя куда-то в сторону, ответит безмолвствующей истории – «Ато!» В ожидании его прихода хотелось бы сформулировать несколько идей, которые могли бы стать гипотезой, а может быть и послужить доказательством невозможности практического существования столь, в определенных кругах ожидаемого и желаемого симулякра. «Не познав прошлого страны, не выявив ее цивилизационной специфики и особости уникальных успехов и причин исторических провалов и катастроф, трудно добиться прогресса и, тем более, трудно прогнозировать и конструировать развитие в будущем» [20]. Давайте попробуем в самых общих чертах восстановить это прошлое. Имеется в виду – советское прошлое нашей страны.

В эпоху империализма, когда в очередной раз в полный рост встала проблема качественного обновления основ развития индустриального общества, история обернулась на саму себя и попыталась в себе найти приемлемый ответ на основные вызовы эпохи. Естественным и закономерным является тот факт, что в этой непростой ситуации она обратилась к основному противоречию собственного развития – противоречию деятельности и самодеятельности. В индустриаль-

ном обществе сформировались две основополагающие тенденции его самодвижения. Одна была связана с процессом становления гражданского общества и воспроизводством демократии в качестве формы его развития. Вторая – с определенной логикой самоопределения классовой борьбы («пролетарского движения» - К. Маркс). И в том, и другом случае, основным механизмом исторического самоопределения данного противоречия было отчуждение. Только если в первом случае превращение самодеятельности в доминанту исторического обновления происходило посредством естественного и эволюционного процесса **самоотчуждения деятельности**, то во втором случае, когда классовая борьба превратилась в движущую силу истории, этот процесс протекал как **самоотчуждение самодеятельности**. На этой двойственной основе исторического развития индустриального общества формируются две основные логики его самообоснования: капиталистическая и социалистическая.

Как способ развития свободы – превращения ее в субстанцию и субъект целостного исторического процесса, самодеятельность всегда была связана с историей через власть. Являясь в каком-то смысле оборотной стороной свободы, власть активно и конструктивно участвовала и участвует во всех процедурах самоопределения и самообоснования самодеятельности. В эпоху империализма она становится безусловной доминантой исторического развития. Единство свободы отчужденной власти и отчужденной власти свободы формируют единое историческое пространство самоотчуждения самодеятельности индустриального общества. Создает уникальную историческую систему координат его социалистического обновления.

В начале двадцатого века одной из ведущих тенденций самоотчуждения исторической самодеятельности стала фетишизация классовой борьбы как революционного способа качественного преобразования предельных оснований развития индустриального общества и превращения освобожденной в классовых боях власти из отчужденной в отчуждающую силу истории. В результате освобождения власти (пролетарской революции) начался процесс строительства из отчужденной власти свободы принципиально нового исторического мира, в котором самоотчужденная самодеятельность превратилась в главную и основную тягловую силу истории. Можно выделить три основных способа отчуждения истории посредством самоотчуждения ее самодеятельности. «Разложение» классовой истории происходило в форме диктатуры пролетариата – посредством установления власти отчужденной свободы над историей. «Извращение» и ревизия предельных оснований развития исторического мира России осуществлялось как процесс выбора отчужденной властью для себя свободы. Обретение отчужденной властью свободы и ее превращение в историческую самодеятельность и субстанцию новой исторической реальности разворачивалось на хотя и мощной, но предельно извращенной основе – путем всемерного развития советского народовластия. Наконец, фетишизация исторической реальности России разворачивалась в форме свободного выбора отчужденной властью свободы для себя и свободного выбора несвободы для того общества, которое оно по своему образу и подобию хотело построить посредством социалистического и коммунистического строительства.

В результате самоотчуждения самодеятельности (установления диктатуры пролетариата, «триумфального шествия советской власти», социалистического строительства) возникла новая историческая реальность, со своими законами и принципами развития. Эти законы существенным образом отличались от соответствующих законов естественно исторического развития всей прошлой – деятельностной истории. Вырвавшись с помощью пролетарской революции на свободу истории, отчужденная самодеятельность (свобода) начала строить новый исторический дом, опираясь на свободу отчужденной власти. Под видом сотворения иной истории она, с помощью различного рода индустриальных форм развития прошлой деятельности, начала копать невиданный котлован для строительства в будущем на его основе коммунистического общества.

Законы самоотчуждения исторической самодеятельности регулируют лишь те отношения между историей и властью, которые возникли в процессе их «революционного» самоотчуждения. Имеет смысл выделить три основополагающих закона, которые регулируют данный процесс и порождают специфическую логику оборачивания исторической реальности в особую гиперреальность – раскрывают природу и основные процедуры развития властных форм отчужденной и отчуждающей свободы. Первый из них определяет то, как власть из формы и способа воспроизводства и обновления исторической реальности превращается в предельное основание и «последнюю причину» ее бытия – как с ее помощью свобода вытесняет из себя свободу. Второй закон раскрывает механизм качественного изменения власти как свободы – обретение ей собственной свободы и превращение свободной власти в универсально-абстрактную форму развития всякой общественной самодеятельности, в единственную движущую силу развития истории. Наконец, третий закон развития самоотчужденной самодеятельности полагает отчужденную власть не только в качестве меры (свободы) и субстанции, но и как единственного субъекта сотворения свободы нового мира. Историческую реальность, которая развивается в соответствии с этими законами, мы называем **тоталитаризмом**.

Законы истории исторически развиваются. Не являются исключением и законы развития советского тоталитаризма. Единой и единственной формой их практической реализации, воспроизводства и обновления был и остается **социализм**. Не учение и доктрина, а исторический способ осуществления законов тоталитаризации истории. Оторвать законы от формы их осуществления без серьезного нарушения целостности и разрушения сущности соответствующего исторического процесса совершенно невозможно. Тоталитаризм и социализм – это две стороны одного и того же процесса самоотчуждения исторической самодеятельности. Только, если тоталитаризм фиксирует уровень предельных оснований и универсальных законов развития новой исторической реальности, то социализм выражает характер и логику их практического осуществления. Если это так, то уничтожить тоталитаризм, оставив без изменения социализм и, наоборот, никак нельзя.

Законы тоталитаризма – это «законы-паразиты». Они с помощью отчужденной энергии исторической самодеятельности человека прикрепляются к исторической субстанции-деятельности и, буквально, пожирают ее изнутри. Социалистические строители строят в глубинах этой субстанции такие сложные и перепутанные псевдоисторические ходы и лабиринты, блуждая по которым, свободная, но отчужденная власть из самой себя создает несвободу общества. В результате борьбы свободы власти и несвободы общества, в недрах самоотчужденной исторической реальности формируется некий абсолютно новый генетический код – принципиально отличный от соответствующего кода развития предшествующей истории, который с помощью различных форм социалистического строительства воспроизводится и превращается в своеобразное ядро советской истории.

Генетическим кодом (ядром) советской истории является определенная формула бинарности, кибернетической двоичности, своеобразная генетическая матрица, «пространство клетки, бесконечно порождающей одни и те же сигналы, словно заученные жесты одуревшего от одиночества и однообразия узника» [5, с.277] – безусловная формула бинарной оппозиции тоталитаризма и социализма.

Процесс кардинальной (революционной) трансформации русской российской исторической реальности происходил одновременно как ее превращение в советскую гиперреальность, путем качественного обновления генетической матрицы и кода истории России и, наконец, как процесс рождения новой порождающей модели, своеобразной формы связи гиперреальности и ее предельного основания (кода), универсальной формы самодвижения нового тоталитарно-социалистического мира. Советская гиперреальность строилась – прорывалась к вершинам индустриального общества (ВПК, атом, космос), строила сама – бараки ГУЛАГА и марширующие колонны строителей далекого светлого будущего, активно и целеустремленно двигалась от самых западных границ самой себя, до самых восточных границ себя самой, питаясь исключительно энергией такого, казалось бы, вечного двигателя, как советское государство-цивилизация.

Советское государство-цивилизация – это симулякр, порождающая модель советской гиперреальности, специфический способ конструирования в условиях тоталитарно-социалистической системы отношения власти и истории. Рядом с ним не могло существовать никакого государства и тем более, цивилизации. Он их полностью вытеснил из истории и с громадным энтузиазмом и настойчивостью симулировал ту «пустоту», которая осталась. В самом общем виде советское государство-цивилизацию можно определить как специфический способ самодвижения свободы отчужденной власти (государства) в условиях псевдо цивилизационного развития несвободы истории. Проблемы, которые оно решает, являются абсолютно реальными. Они возникают на определенном этапе развития любого исторического мира: каковы источники и основные исторические силы ее самообоснования, что и как определяет целостность и непрерывность ее самодвижения, какова направленность этого процесса?

В рамках цивилизационной концепции исторического процесса обычно эти проблемы формулируются следующим образом: как проблема цивилизационной преемственности, обоснованности и идентичности. Почему в момент зарождения советской истории именно цивилизационный подход оказался наиболее адекватным и в достаточной степени эвристичным при постановке и решении данных исторических проблем однозначно сказать сложно. Может быть, они очутились в эпицентре исторической реконструкции по той причине, что объектом преобразования была целостная история России, а наиболее адекватной формой воспроизводства ее целостности как раз и была цивилизация. А может быть потому, что новая власть претендовала на то, чтобы построить абсолютно новый исторический мир – создать невиданную до сих пор цивилизацию абсолютной свободы и солидарности. Так, или иначе, но в основе становления советского государства-цивилизации лежали глубинные исторические проблемы цивилизационного развития русской российской истории, а способом их разрешения стал процесс огосударствления истории.

Советское государство-цивилизация уничтожает государство и цивилизацию не только в прошлом и настоящем, но и в будущем. Оно останавливает историческое время. Ему оно не нужно. Вытесняя их из

истории, оно создает в ней особую «пустоту» - буквально клокочущую различного рода имитационными и симулятивными процессами («последними решениями», «пятилетними планами», «заботой о человеке», «окончательными победами», «встречными планами», «одобрением», «братской помощью» и т.п. и т.д.) гиперреальность.

Государство в процессе становления советского государства-цивилизации умирает не сразу, но постепенно, разменивая свой потенциал на рожденную в недрах цивилизационного самоопределения советской истории, историческую мощь отрицания и обессмысливания всего исторического. Сначала оно превращается из диктатуры пролетариата в диктатуру бюрократии. Затем степень свободы отчужденной власти, в том числе и от государственной формы ее организации, существенно возрастает, и оно становится тем, что можно было бы достаточно условно назвать партийным (всенародным) государством. И, наконец, в условиях бурно загнивающего развитого социализма эта власть приобретает относительно законченную форму существования в виде номенклатуры, которая в данных конкретных исторических условиях оказывается универсальной формой власти в высшей степени свободной (отчужденной) от общества, государства, партии. Одновременно с метаморфозами государства разворачивался процесс субверсии русской российской цивилизации. Он шел отнюдь не параллельно процессу исчезновения государства. Напротив. Изменялся субъект социалистического строительства, кардинальным образом обновлялся и его объект, а также результирующая форма его гиперреального сосуществования.

Любая цивилизация – это история, но не всякая историческая реальность существует и развивается как цивилизация. В основе цивилизационного развития истории лежит ее противоречивое единство с богатством («произведенной историей»). Если история способна превратить богатство в источник и форму своего воспроизводства и обновления, то она саморазвивается как цивилизация. А это возможно только за счет ее самодеятельности. Существует три основных, проверенных временем рецепта «возвращения» богатства в историю посредством ее самодеятельности. Каждый из них является своеобразным способом разрешения проблемы свободы исторической деятельности. В единстве они демонстрируют возможность и необходимость саморазвития истории за счет ее самодеятельности. В конечном итоге, их связь, историческое превращение богатства в свободу и делает историю цивилизацией.

Первый способ цивилизационного развития исторической реальности отражает и выражает логику превращения богатства в начало развития и воспроизводства истории. Он фиксирует акт оборачивания богатства в историю, в результате чего между историей производящей богатство и богатством («произведенной» историей) производящим историю возникает естественная и непрерывная связь. Возникает то, что обычно называют цивилизационной преемственностью. По сути, в этом акте прямого и достаточно динамичного взаимодействия богатства и истории, то есть в специфическом акте исторической самодеятельности и появляется та свобода, которая обеспечивает живую и самодеятельную связь между прошлой и настоящей историей. Претендуя на то, чтобы быть высшей формой развития такого рода исторической самодеятельности, социалистическая революция решительно и однозначно разорвала эту связь. Посредством отчужденной и отчуждающей самодеятельности, высшей формы развития классовой борьбы, каковой и является социалистическая революция, она уничтожила свободу в самой себе и создала тем самым непреодолимый барьер на пути превращения богатства в историю и самое главное – остановила процесс превращения истории в богатство. Революция превратила в богатство не историю, а саму себя – конкретно-историческую форму развития исторической самодеятельности. И не имеет принципиального значения то, в какой форме она заявила свою претензию на историю – во властной форме (диктатуре пролетариата), за которую ратовал В.И. Ленин, или в форме мировой революции, о которой так много говорил и писал Л.Д. Троцкий. И в том, и в другом случае это был приговор реальной истории: прошлой, настоящей и будущей. Будучи высшей формой развития исторической самодеятельности в индустриальную эпоху, социалистическая революция все-таки сотворила из богатства историю, но, при этом, она оставила в истории в качестве безусловного начала ее самодвижения исключительно саму себя, то есть освобожденную от свободы свободу, или власть. Именно ее получил в наследство от В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого И.В. Сталин. И второй способ цивилизационного развития советской истории очень тесно, можно даже сказать, кровно связан уже с этим именем.

В результате социалистической революции определенная форма богатства («живой труд» - К. Маркс) стала историей – в форме диктатуры пролетариата превратилась в историческую самодеятельность, в способ воспроизводства освобожденной от свободы свободы. Революция взорвала историческую реальность, достала из истории ее суть (свободу) и сделала ее самостоятельной субстанцией развития самодеятельных начал нового исторического мира. Она стала своеобразным философским камнем, с помощью которого революционные солдаты и матросы превратили свободу в ее иное – во власть. И все было бы замечательно, но, по мере того, как эта власть становилась историей – из самой себя и для себя порождала

новый мир, во весь рост встал вопрос об источниках и основаниях ее превращения в богатство. По сути, это был вопрос о том, как отчужденная власть может вернуть себе свободу и стать свободной и самодеятельной основой для целостного исторического процесса. За счет каких внутренних сил, она была в состоянии превратить себя из уже состоявшейся истории в богатство. И обеспечить, тем самым воспроизводство целостности и обоснованности новой исторической реальности в качестве специфической цивилизации. И. В. Сталин нашел ответ на вопрос об источниках и основаниях развития социализма (индустриального общества) в России. Его интересовало одно – как можно в одной отсталой, но очень революционной стране достигнуть такого уровня богатства, которое бы гарантировало расширенное воспроизводство и обновление ее исторической (социалистической) целостности. Социалистическая революция и ее составная часть – гражданская война, предопределили сделанный им выбор. Достигнуть такого уровня развития истории, при котором она была бы способна обеспечить собственное воспроизводство и производство соответствующего продукта (богатства) можно было только одним путем – за счет интенсивного развития предельных оснований ее бытия. А этими основаниями была исключительно освобожденная от свободы свобода, то есть власть. Нужно было всего лишь дать свободу власти. А уж она то, с помощью насилия и социалистического соревнования обеспечит производство того продукта, который позволит в нужный момент и в необходимых масштабах мобилизовать достаточные ресурсы для обеспечения воспроизводства в расширенных масштабах социализма (его полной и окончательной победы) – главного и основного богатства новой истории. Речь в данном случае идет не просто о свободе власти, что не является чем-то экстраординарным, тем более в пост революционный период. Сталин возвел этот атрибут власти в ранг абсолюта, что позволило ему превратить ее носитель в неисчерпаемый источник, дурную бесконечность тотального воспроизводства отчужденной самодеятельности. Сталин открыл великую тайну социализма – его можно построить только на основе народовластия. Он превратил народовластие (свободную, но отчужденную власть) в предельное основание социалистического строительства. В историческую скрепу, с помощью которой мир социализма соединял историю и населяющих ее людей в единое целое – себетождественную властную реальность. Превращал их в заводы, пароходы и иные формы общественного богатства. Его секрет прост: он взял свободу у истории, самодеятельность у человека и передал их на правах собственности отчужденной власти. В результате чего появилось советское государство-цивилизация.

Третий способ цивилизационного развития исторической реальности устанавливает ее цивилизационную идентичность: не формальную себетождественность исторического процесса, а его способность к расширенному воспроизводству и обновлению за счет тех исторических сил, которые превращают историю в высшую форму богатства. Решая проблему цивилизационной преемственности, произведенная история (богатство) становится производящей. В результате цивилизационного самообоснования она обретает способность производить саму себя как целостную и самодостаточную историческую реальность. Когда же история оборачивается на саму себя в поисках эффективных механизмов цивилизационной самоидентификации, с ней происходят странные и необратимые метаморфозы: она из самой себя начинает производить историю как высшую форму богатства. В советской истории акт самоидентификации соответствующего государства-цивилизации случился в виде превращения социалистического строительства в коммунистическое. По сути, природа и качество строительных работ не изменилась – они так и остались процедурами социалистического строительства, но, при этом, у них появилась новая цель-идентификатор – коммунизм. В процессе строительства коммунизма будущая история предстала в виде высшей формы богатства.

Социалистическое строительство – это специфический способ производства историей истории из самой себя. Способ воспроизводства свободы отчужденной власти в качестве основной формы развития советского государства-цивилизации. Переход к строительству коммунизма, попытки использовать самодеятельный (заимствованный и собственный) потенциал научно-технического прогресса и гражданского общества привели к тому, что обычно называют «оттепель». Это было время активного поиска тех потенциальных субъектов, которые могли бы относительно свободно, опираясь на исторический потенциал социалистического строительства как высшей ценности советского государства-цивилизации, строить коммунизм. Историческая идентификация всегда является мощнейшим стимулом пробуждения в истории ее самодеятельных начал и достаточно эффективным способом их превращения во множество самостоятельных субъектов исторического процесса. Построить коммунизм могли только свободные люди. Свободная, но отчужденная власть, в лучшем случае, могла построить этих людей в колонны и шеренги, но создать историческую реальность как высшую форму общественного богатства она была не в состоянии. Но и отпустить историю на свободу она также была не вольна. Единственный для нее путь сохранения и приумножения своей, уже освоенной и присвоенной свободы – встроиться в общую логику самоидентификации советской истории и

попытаться возглавить этот процесс, стать его единственным субъектом. Что и произошло в эпоху застоя, когда, надев на себя одежды номенклатуры, свободная, но отчужденная власть (государственно-партийная бюрократия) под знаменами дальнейшего развития советского демократизма и народовластия, отправилась строить для себя новый исторический дом – номенклатурный коммунизм. В результате благоденствие номенклатуры («предводителей нации» - А. Платонов) стало высшей формой богатства советского государства-цивилизации. А ее неуемная самоидентификация посредством власти отчужденной свободы (оттепель) и отчуждающей свободы (застой) превратилась в относительно устойчивый и самодостаточный процесс расширенного воспроизводства советского государства-цивилизации как единственной реальной ценности этого нереального исторического мира.

Литература:

1. Багдасарян В. Э. Россия как государство-цивилизация [электронный ресурс] // Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме. Материалы научного семинара. Выпуск № 1. М.: Научный эксперт, 2009. С. 102–106. URL: http://rusrand.ru/files/13/07/26/130726021752_Gum_nauka_vyp_1.pdf (дата обрашения 28.08.2014)
2. Багдасарян В. Э. Цивилизационная миссия России и перспективы постсоветской интеграции (15 октября 2009 года) [электронный ресурс]. URL: http://oko-planet.su/politik/politiklist/219183-civilizacionnaya-missiya-rossii-i-perspektivy-postsovetskoy-integracii.html (дата обрашения 15.08.2014)
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства [электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt (дата обращения: 02.06.2014)
4. Бодрийяр Ж. Сборник статей [электронный ресурс]. URL: http://bookre.org/reader?file=16438 (дата обращения 20.08.2014)
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [электронный ресурс]. URL: http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653 (дата обращения 20.05.2014)
6. 6. Бодрийяр Ж**.** Симулякры и симуляция [электронный ресурс]. URL: http://www.simulacrum.h16.ru/files/text/simulacres.pdf (дата обращения 20.05.2014)
7. Дугин А.Г. Россия и Запад: прогнозы развития отношений [электронный ресурс] // Россия и Запад: что разделяет? Материалы научного семинара. Выпуск № 7 (16). М.: Научный эксперт, 2009. С. 8–60. URL: http://problemanalysis.ru/text/Gum_nauka_vyp_7(16).pdf (дата обращения 14.06.2014)
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: [в 54 т.]. Т. 4. 5–е изд. М. : Госполитиздат, 1958.
9. Неклесса, А. И. Вопросы к докладчику и ответы [электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_07_09/03.pdf (дата обращения 22.06.2014)
10. Неклесса А. И. Северная Ромея. Рассуждения о русской идентичности // Русская идентичность. Дорога жизни / под ред. Д. Андреева и А. Неклессы М.: ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия, 2012. С.10–42.
11. Никонов В. А. Российская матрица / В. А. Никонов. М.: Русское слово, 2014. 992 с.
12. Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления (статья первая). Советское uber alles // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 60–82.
13. Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 31–60.
14. Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай»// Вестник российской нации. – 2013. – № 6. – С. 8–15.
15. Русская матрица: мифы и реалии (материалы заочного круглого стола) // Власть. 2014. № 2.
16. Фукуяма Ф. Сильное государство [электронный ресурс]. URL: http://lib100.com/book/philosophy/silnoe_gosudarstvo/%d1%e8%eb%fc%ed%ee%e5%20%e3%ee%f1%f3%e4%e0%f0%f1%f2%e2%ee.pdf (дата обращения 11.07.2014)
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / [авт. послесл. С. Переслегин; пер. с англ. Ю. Новикова, Т. Велимеева; под ред. Е. Кривцовой, К. Королева]. М.: АСТ, 2005. 603, [2] с.
18. Шевченко В.Н. Вектор развития российского государства и политические стратегии власти // Политические стратегии российского государства как философская проблема / отв. ред. В. Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2011. С. 11–70.
19. Якунин В. И. Без ясного подхода до истины не дойти // Синергия. 2008. № 7 [электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_16_09/07.pdf (дата обращения 11.07.2014)
20. Якунин, В. И. Россия – это государство-цивилизация // [Русский мир Запорожья: информационно-аналитический портал. (28.09.2012)] [электронный ресурс]. URL: http://rusmirzp.com/2012/09/28/category/society/3479 (дата обращения 12.07.2014)

References:

1. Bagdasaryan V.E. Russia as a state-civilization [e-resource] // Geo-economical formula of the world-order: Russia in a new universe. Materi-

als of a research seminar. Issue № 1. M.: Nauchniy expert, 2009. P. 102–106. URL: http://rusrand.ru/files/13/07/26/130726021752_Gum_nauka_vyp_1.pdf (date of access 28.08.2014)
2. Bagdasaryan V.E. Civilization mission of Russian and perspectives of Post-Soviet integration (October 15, 2009) [e-resource]. URL: http://oko-planet.su/politik/politiklist/219183-civilizacionnaya-missiya-rossii-i-perspektivy-postsovetskoy-integracii.html (date of access 15.08.2014)
3. Baudrillard J. In the shadow of silent majority [e-resouece]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt (date of access 02.06.2014)
4. Baudrillard J. Collection of articles [e-resource]. URL: http://bookre.org/reader?file=16438 (date of access 20.08.2014)
5. Baudrillard J. Symbolic exchange and death [e-resource]. URL: http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653 (date of access 20.05.2014)
6. Baudrillard J. Simulacra and simulation [e-resource]. URL: http://www.simulacrum.h16.ru/files/text/simulacres.pdf (date of access 20.05.2014)
7. Dugin A.G. Russia and West: forecast of relations development [e-resource] // Russia and West: what does it divide them? Materials of a research seminar. Issue № 7 (16). M.: Nauchniy expert, 2009. P. 8–60. URL: http://problemanalysis.ru/text/Gum_nauka_vyp_7(16).pdf (date of access: 14.06.2014)
8. Lenin V.I. Complete works: [in 54 v.]. V. 4. 5th edition. M.: Gospolitizdat, 1958.
9. Neclessa A.I. Questions to the lecturer and the answers [e-resorce]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_07_09/03.pdf (date of access 22.06.2014)
10. Neclessa A.I. Severnaya Romea. Contemplations on the Russian identity // The Russian identity. The way of life / edited by D. Andreyev and A. Neclessa. M.: INTELROS – Intellektualnaya Rossiya, 2012. P.10–42.
11. Nikonov V.A. The Russian matrix / V.A. Nkonov. M.: Russkoye slovo, 2014. 992 p.
12. Pivovarov Yu.S. On the "Soviet" and the ways of its overcoming (article one). Sovetskoye uber alles // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2014. № 1. – P. 60–82.
13. Pivovarov Yu.S. On the "Soviet" and the ways of its overcoming (article two). What should we do? // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2014. № 2. P. 31–60.
14. Putin V.V. Public speaking at the sitting of the "Valdai" international discussion club // Vestnik Rossiskoy natsiyi. 2013. № 6. P. 8–15.
15. The Russian matrix: myths and realities (materials of a part-time round table) // Vlast. 2014. № 2.
16. Fukuyama F. Strong state [e-resource]. URL: http://lib100.com/book/philosophy/silnoe_gosudarstvo/%d1%e8%eb%fc%ed%ee%e5%20%e3%ee%f1%f3%e4%e0%f0%f1%f2%e2%ee.pdf (date of access 11.07.2014)
17. Hantington S. Collision of civilizations / [author of the afterword is S. Pereslegin: transl. from English by Yu. Novikov, T. Velimeyev; edited by E. Krivtsova, K. Korolyova]. M.: AST, 2005. 603, [2] p.
18. Shevtchenko V.N. Vector of the Russian state development and political strategies of power // Politicheskiye strategiyi Rossiyskogo gosudarstva kak filosofskaya problema / Editor-in-Chief is V.N. Shavtchenko. M.: IF RAN, 2011. P. 11–70.
19. Yakunin V.I. You can't reach the truth without clear approach // Sinergiya. 2008. № 7 [e-resource]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_16_09/07.pdf (date of access 11.07.2014)
20. Yakunin V.I. Russia is a state-civilization // [Russkiy mir Zaporozhya: informatsionno-analiticheskiy portal. (28.09.2012)] [e-resource]. URL: http://rusmirzp.com/2012/09/28/category/society/3479 (date of access 12.07.2014)